

ПРОЦЕСС «СОЮЗНОГО БЮРО МЕНЬШЕВИКОВ» И СУДЬБА МЕНЬШЕВИКА М.А. ВАЛЕРИАНОВА-БРОУНШТЕЙНА

На основе выявления ранее неизвестного источника, связанного с организацией и проведением процесса «Союзного бюро меньшевиков» (1931 г.), рассматриваются роль и место органов ОГПУ СССР в фабрикации подобных процессов конца 1920–1930-х гг., формы и методы ведения следствия и подготовки «обвиняемых» к участию в процессах. Описываемые события 1937–1938 гг. демонстрируют изменения репрессивной политики в отношении политических оппонентов большевиков, ведение следствия и процесса судопроизводства в упрощенном порядке.

Ключевые слова: процесс меньшевиков 1931 г.; политические репрессии; Томск.

Практически с первых дней после захвата власти в октябре 1917 г. большевики начали достаточно активно проводить политику по уничтожению своих бывших соратников по борьбе с самодержавием из числа представителей иных политических партий и движений. В числе таковых противников у большевиков оказались и члены РСДРП (м). Наряду с представителями иных партий они подвергались преследованиям и арестам, закрывались их печатные органы.

Согласно архивным данным органов ОГПУ в период с 1923 по 1928 г. только в Москве были ликвидированы 6 составов нелегальных бюро ЦК меньшевиков, 3 состава малого бюро ЦК, бюро Московского комитета меньшевиков, 4 склада литературы, архив бюро ЦК партии и т.п. Следует заметить, что деятельность партии меньшевиков носила активный характер преимущественно в крупных городах европейской части страны и республиках Закавказья [1. С. 189]. В 1928 г. в г. Баку была арестована эмиссар заграничного ЦК меньшевиков Е.Л. Бройдо, нелегально прибывшая в СССР, по данным ОГПУ, для организации антисоветской работы. В 1929 г. был арестован еще один нелегал от меньшевиков – М.А. Броунштейн-Валерианов (Броунштейн-Валерианов Михаил Адамович, 1886 г.р., ур. г. Елисаветграда, еврей, образование высшее, меньшевик с 1903 г., член ЦК РСДРП (м), в 1922 г. за активную партийную деятельность был выслан на Урал, откуда позднее был выслан за границу. В 1922–1929 гг. проживал за рубежом. В 1929 г. нелегально с паспортом на имя Я.Н. Левина прибыл в СССР. В июне 1929 г. был арестован и в октябре осужден на 5 лет лишения свободы. Однако в августе 1931 г. приговор был пересмотрен и срок был увеличен до 10 лет заключения в политизолятор. Наказание отбывал в Суздальском политизоляторе. В сентябре 1934 г. направлен в ссылку в пос. Колпашево Нарымского края, где работал экономистом-плановиком окружного земельного управления. Вновь арестован в 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован посмертно в 1993 г.). Сотрудниками ОГПУ им была уготована роль активных участников в готовящемся процессе по делу «Союзного бюро меньшевиков».

Советская историческая наука на протяжении многих десятилетий рассматривала процесс «Союзного бюро ЦК РСДРП», состоявшийся 1–9 марта 1931 г. в г. Москве, как результат разоблачения действовавшей на территории СССР контрреволюционной организации. Члены организации были обвинены в поддержании контактов с антисоветскими силами за рубежом, в организации вредительства в народном хозяйстве и, главное, в подготовке свержения советской власти. По

прошествии лет уже, видимо, можно прийти к одному знаменателю, что в конце 1920-х гг. в СССР не существовало никакой меньшевистской организации, планировавшей (и способной) осуществление государственного переворота. Наличие целого ряда рассекреченных архивных документов однозначно свидетельствует об искусственном характере процесса над меньшевиками, инициированного лично Сталиным. К этому времени его воля, указания и пожелания уже воспринимались как закон абсолютным большинством руководителей страны и возглавляемых ими структур. Возражать пытались немногие, но их тут же «поправляло» послушное большинство. Органы ОГПУ, выполняя волю «вождя народов», смогли вскрыть и пресечь в конце 1920-х гг. деятельность трех крупных «контрреволюционных» организаций: «Промпартии», «Трудовой крестьянской партии» и «Союзного бюро ЦК РСДРП», «обнаружив» при этом «наличие тесных связей» между ними, в частности по задачам деятельности и преследуемым целям. Но обращает на себя внимание тот факт, что большинство участников названных «контрреволюционных» организаций относились к числу тех, кого в те годы было принято называть «спецами» и к которым проявлялось особое внимание со стороны руководства страны и ее карательных органов.

На организованный процесс «Союзного бюро» были «выведены» 14 человек из числа бывших меньшевиков, хотя трое никогда не состояли в рядах этой партии, а остальные вышли из нее еще в начале 1920-х гг. Все участники процесса были осуждены на 5 и 10 лет лишения свободы с поражением в правах. Представленные в вышедшем в 1999 г. сборнике документов материалы о процессе позволяют утверждать, что к ответственности были привлечены 122 человека, часть из которых была арестована и осуждена ранее, 14 же были осуждены в открытом судебном процессе. Судьба остальных решалась «тройками» и Коллегией ОГПУ [2. С. 6]. Аресты всех участников были осуществлены в период с августа 1930 г. по апрель 1931 г., т.е. завершились после окончания процесса. Следствие по делу «Союзного бюро» вели сотрудники Экономического управления ОГПУ СССР Д.З. Апресян, Д.М. Дмитриев, А.А. Наседкин, Я.А. Якубовский, В.И. Леванов и др. (Апресян Дереник Захарович, 1899 г.р., ур. с. Татлу Эриванской губ., армянин, член партии «Дашнакцутюн» в 1917–1918 гг., большевик с 1919 г., образование высшее медицинское, в органах ОГПУ с 1927 г. – уполномоченный, затем помощник начальника Экономического управления ОГПУ СССР. В 1937 г. назначен наркомом внутренних дел Узбекской ССР. Майор гос-

безопасности. Награжден орденом Красной Звезды, медалью «XX лет РККА», знаком «Почетный работник ВЧК–ГПУ». Арестован в 1938 г. Расстрелян в феврале 1939 г. В реабилитации отказано дважды – в 1955 и 1991 гг., по причине нарушения законности и фальсификации следственных дел. Дмитриев (Плоткин) Дмитрий Матвеевич, 1901 г.р., ур. г. Екатеринослава, еврей, большевик с 1922 г. (по другим данным – с февраля 1928 г.). В ВЧК – с 1922 г., с 1924 г. – уполномоченный, помощник начальника и начальник отделения экономического управления ОГПУ, с ноября 1931 г. – помощник начальника экономического управления. С июля 1936 г. – начальник УНКВД по Свердловской области. Комиссар госбезопасности 3-го ранга. Награжден орденами Ленина и Красного Знамени, двумя знаками «Почетный работник ВЧК–ГПУ». Арестован в 1938 г. Расстрелян в 1939 г. Не реабилитирован. Наседкин Алексей Алексеевич, 1897 г.р., русский, большевик с 1918 г., образование высшее, в органах ОГПУ с 1927 г., прошел путь от практиканта ЭКУ ОГПУ до зам. начальника ЭКО УГБ УНКВД Московской области, в 1937 г. – начальник УНКВД Смоленской области, а с 1938 г. – нарком НКВД Белоруссии. Майор госбезопасности. Награжден орденом Красной Звезды, медалью «XX лет РККА», знаком «Почетный работник ВЧК–ГПУ». Арестован в 1938 г. Расстрелян в январе 1940 г. Не реабилитирован. Якубовский Я.А., 1899 г.р., большевик с 1917 г., в ВЧК с 1918 г. В 1930–1933 гг. уполномоченный экономического управления ОГПУ. Леванов В.И., 1895 г.р., большевик с 1919 г., в ОГПУ с 1924 г. В 1928–1934 гг. – старший уполномоченный экономического управления ОГПУ).

О методах следствия, проводимого ими, рассказали трое участников процесса: И.И. Рубин, Н.Н. Суханов и М.П. Якубович (Рубин Исаак Ильич, 1886 г.р., меньшевик и член Бунда с 1904 г., в 1917–1920 гг. – член ЦК Бунда, в 1921–1923 гг. – меньшевик. В 1926–1930 гг. – заведующий кабинетом политэкономии Института К. Маркса и Ф. Энгельса. В 1931 г. осужден по процессу «Союзного бюро» на 5 лет лишения свободы, наказание отбывал в Верхнеуральском политизоляторе, с 1933 г. – в ссылке в Тургае, а затем в Актюбинске. Повторно арестован в 1937 г. и расстрелян. Реабилитирован посмертно в 1991 г. Суханов (настоящая фамилия – Гиммер) Николай Николаевич, 1882 г.р., ур. г. Москвы, из семьи мелкого железнодорожного чиновника, в 1903–1906 гг. – эсер, был арестован в 1904 г., в 1910 г. выслан на три года в Архангельскую губ., в 1915–1920 гг. – меньшевик. Член ВЦИК. Накануне ареста занимался научной и литературной деятельностью. Арестован в 1930 г. и осужден на 10 лет лишения свободы. Наказание отбывал в Верхнеуральском политизоляторе, откуда в 1935 г. был направлен на поселение в Тобольск, где работал учителем немецкого языка и экономистом. В 1937 г. арестован повторно. Обвинен в шпионаже в пользу немецкой разведки. Расстрелян. Реабилитирован посмертно в 1991 г. Якубович Михаил Петрович, 1891 г.р., в 1908–1921 гг. – меньшевик. Заместитель начальника сектора снабжения Наркомторга СССР. Арестован в 1930 г. и осужден на 10 лет лишения свободы. Наказание отбывал в Верхнеуральском политизоляторе и Унжлаге (Горьковская область).

Особым совещанием НКВД за антисоветскую деятельность был осужден на 10 лет ИТЛ. В марте 1952 г. был освобожден и направлен в Карагандинский дом инвалидов под надзор органов госбезопасности.).

Последний по вопросу своей реабилитации обращался в мае 1967 г. к Генеральному Прокурору СССР, рассказав о жестоких методах следствия с целью получения необходимых показаний. Он, в частности, писал: «Следователи ОГПУ и не стремились ни в какой степени вскрыть действительные политические связи или действительную позицию... кого-либо... из обвиняемых. У них была готовая схема “вредительской” организации, которая могла быть сконструирована только при участии крупных и влиятельных работников государственного аппарата. А настоящие подпольные меньшевики такого положения не занимали и поэтому для такой схемы не годились. По-видимому, эта схема была подсказана работникам ОГПУ руководителями двух уже ранее намеченных вредительских процессов – Промпартии и ТКП – Рамзиным и Кондратьевым (Рамзин Леонид Константинович (1887–1948), ур. с. Сосновцы ныне Сосновского р-на Тамбовской обл., директор Всесоюзного теплотехнического института, профессор теплотехник. Арестован в 1930 г., один из главных обвиняемых по делу «Промпартии». Кондратьев Николай Дмитриевич, 1892 г.р., экономист-аграрник, начальник Управления экономики и планирования сельского хозяйства Наркомзема РСФСР. Арестован в 1930 г. Осужден на 8 лет тюремного заключения. Расстрелян в сентябре 1938 г. Реабилитирован в 1963 г.), которые впоследствии выступали свидетелями обвинения на процессе «Союзного бюро». Им необходимо было для стройности политической композиции дополнить нарисованную ими схему наличием третьей политико-вредительской организации – социал-демократической».

Б.А. Викторов отмечал, что именно Н.Д. Кондратьев оказал «посильную помощь» в разоблачении руководителей «Союзного бюро». Он писал, что «Союзное бюро меньшевиков» находилось в едином блоке с «ТКП» и «Промпартией». Всех их объединяла единая цель по свержению с помощью международной буржуазии советской власти. Будучи привлеченным на процесс в качестве свидетеля, Кондратьев показал, что знал о существовании контрреволюционной меньшевистской организации, неоднократно встречался с ее лидерами Громаном, Сухановым и др., в том числе и у него на квартире. Встречи чаще всего носили характер бесед и дискуссий политической направленности, в частности о путях развития промышленности, торговли, политического переустройства общества и органов власти в стране. На вопрос государственного обвинителя Н.В. Крыленко, велась ли речь о реставрации капиталистических отношений, Кондратьев ответил утвердительно, хотя и пытался дать какие-то пояснения о смысле своей формулировки ответа. Полагаю, что, возможно, именно это и сыграло решающее значение в судьбе подсудимых по делу «Союзного бюро», так как своими показаниями Кондратьев подтвердил наличие устоявшихся связей между «контрреволюционными» организациями и их лидерами, единство в целях и задачах политической деятельности по свержению совет-

ской власти и реставрации капиталистических отношений в стране. Признание им его собственных ошибок и отказ от своей политической позиции и взглядов суд уже не интересовали. Государственный обвинитель Н. Крыленко, подводя итоги судебного следствия, констатировал: «В своих исторических диссертациях обвиняемые в достаточной мере вскрыли всю мелкобуржуазную природу меньшевизма и сами дали оценку своей контрреволюционной работе» [3. С. 161–164].

Извлечение признаний происходило различными способами. Одним обещали блага в будущем, «других, пытавшихся сопротивляться, «вразумляли» физическими методами воздействия – избивали (били по лицу и по голове, по половым органам, валили на землю и топтали ногами, лежащих на земле душили за горло, пока лицо не наливалось кровью и т.п.), держали без сна на «конвейере», сажали в карцер (полураздетыми и босиком на мороз или в нестерпимо жаркий и душный, без окон) и т.д., для некоторых было достаточно одной угрозы подобного воздействия. Для других оно применялось... в зависимости от сопротивляемости каждого» [4. С. 458–459].

В процессе следствия М.П. Якубович и А.М. Гинзбург (Гинзбург Абрам Моисеевич, 1873 г.р., еврей, в социал-демократическом движении с 1897 г., меньшевик в 1903–1921 гг., профессор института народного хозяйства им. Плеханова в Москве. Арестован в 1930 г. Осужден на 10 лет лишения свободы, отбывал наказание в Верхнеуральском политизоляторе, затем в Челябинском ИТЛ. Вторично арестован и расстрелян по приговору «тройки» в декабре 1937 г. Реабилитирован в 1991 г.), доведенные до отчаяния, пытались покончить жизнь самоубийством, вскрыв себе вены. По мере приближения процесса следователи провели несколько «организационных» заседаний, в ходе которых «обвиняемые знакомились друг с другом и согласовывали свое поведение на суде» [Там же. С. 462].

По мнению того же Якубовича, «процесс прошел гладко – с внешним правдоподобием», если не считать некоторых нестыковок, как «приезд» в СССР члена меньшевистского ЦК Р.А. Рейн-Абрамовича (Абрамович (Рейн) Рафаил Абрамович, (1880–1963), член Бунда с 1901 г., с 1906 г. – меньшевик. Неоднократно арестовывался в годы советской власти. В 1920 г. выехал за границу) и его «встречи» с отдельными участниками процесса, чего на самом деле не было [Там же. С. 463]. Член исполкома Заграничного бюро ЦК РСДРП Р.А. Абрамович еще в 1936 г. писал, что, в частности, Броунштейн не помог «чекистскому процессу против меньшевиков» и тогда был выбран вымышленный курьер – Р. Абрамович. Другим интересным фактом явилось наличие «организации с четко отработанной организационной структурой» и полное отсутствие материальных следов ее деятельности – в ходе процесса не было предъявлено ни одного документального или вещественного доказательства «активной» деятельности организации. И еще ряд других.

В числе арестованных меньшевиков, но не выведенных на процесс, значился М.А. Броунштейн, фамилия которого упоминается в первом томе сборника документов по процессу меньшевиков а с. 9. Казалось бы, его место должно было быть в «первых рядах» участ-

ников процесса, хотя бы по причинам, что он являлся сотрудником официального печатного органа меньшевиков – «Социалистического вестника», а во-вторых, что именно он в 1929 г. нелегально прибыл в СССР. Эти моменты могли бы весьма удачно «вписаться» в ход процесса, но этого не случилось, несмотря на то что Броунштейн к этому времени уже был арестован. Кстати, в биографической справке в сборнике у него вместо даты окончания жизни стоит вопросительный знак. Кто же такой М.А. Броунштейн и почему он не был выведен на процесс?

В архиве УФСБ РФ по Томской области хранится следственное дело на Броунштейн-Валерианова Михаила Адамовича, 1886 г.р., уроженца г. Елисаветграда, еврея, с высшим образованием, меньшевика с 1903 г., члена ЦК меньшевиков. Более того, в деле хранится копия дневника Броунштейна, рукопись которого была найдена закопанной в прогулочном дворике Суздальского политизолятора летом 1933 г. Изучение материалов уголовного дела не позволило выяснить, когда и откуда поступила копия дневника, с какой целью, так как в материалах следствия речь о нем либо о содержавшейся в дневнике информации не велась. Возможно, дневник был получен в ходе какой-либо служебной переписки, но отметок об этом в деле также не выявлено. С другой стороны, «помощь» этого документа просто не понадобилась, так как упрощенный порядок ведения следствия позволил «разоблачить» врага другими методами и другими материалами. Мало чем дневник мог способствовать «созданию» сотрудниками УНКВД какой-то отдельной массовой «контрреволюционной» организации меньшевиков, так как сложно, практически невозможно было «привязать» упоминавшихся в дневнике фигурантов меньшевистского процесса 1931 г. к Западной Сибири.

В дневнике Броунштейн-Валерианов писал, что в конце декабря 1930 г. был переведен в Москву из Верхнеуральского политизолятора для «подготовки» к готовящемуся процессу. Уже в ходе второго допроса следователем Дмитриевым началось «прошупывание» подследственного на предмет возможного сотрудничества со следствием: «Мы настолько сильны, что можем вас освободить». В ходе последовавшего разговора, Броунштейн-Валерианов категорически отказался стать «чьим-нибудь политическим орудием». После этого допросы были на три недели прекращены, а при их возобновлении в них принимали участие уже два следователя – сотрудники Экономического управления ОГПУ. Методы допросов также претерпели изменения, «ибо это уже были [допросы] второй степени... полуконвейер с перерывами на завтрак, ужин и обед. Спать почти не удавалось: отпускали утром между 6 и 7 часами. Ложился, засыпал, через короткое время (приблизительно через час) давали щетку, ложился спать – звали в уборную, потом едва замкнешь глаза – хлеб, потом последовательно с известными промежутками – сахар, папиросы, кипяток. После завтрака – опять допрос.

Так длилось всего несколько дней – не помню сколько, кажется 4–5, до объявления голодовки. Во время голодовки они допрашивали 6 дней, а потом отправили в больницу. На 2-й день голодовки стали допрашивать уже в канцелярии Вн[утренней] Т[юрмы].

Целью этих допросов было получение сведений о деятельности меньшевистской организации, связях с заграницей, целях и задачах подрывной «контрреволюционной» деятельности и т.п. Был использован метод «убеждения», когда подследственным зачитывались «чистосердечные» показания других «подельников», дабы тем самым склонить убеждаемого в необходимости раскаяния и признания своей вины. Броунштейн-Валерианов писал, что следователи «решили повлиять на меня чтением показаний. Развернулась уже знакомая... картина падения всех этих несчастных. Это было жалкое, но в то же время потрясающее зрелище. Теперь мы уже с этим свыклись. Но тогда я был потрясен. Я знал этих людей и для меня не подлежало сомнению, что люди дали показания эти под пытками или при виде пыток. Пошли невероятные, гнусные и лживые показания, унижительные показания Суханова, Громана, Шера (Шер Василий Владимирович, 1884 г.р., в 1903–1920 гг. – меньшевик. Член правления Госбанка СССР, заместитель заведующего архивом Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Арестован в 1930 г. и осужден на 10 лет лишения свободы. Наказание отбывал в Верхнеуральском политизоляторе. Умер в заключении в 1940 г. Реабилитирован посмертно в 1991 г.), Берлацкого (Берлацкий Борис Маркович, 1889 г.р., в 1904–1922 гг. – меньшевик. Член правления Госбанка СССР. Арестован в 1930 г. и осужден на 8 лет лишения свободы. Наказание отбывал в Верхнеуральском политизоляторе, а затем в Балашовской тюрьме (Ленинградская область), где и умер в декабре 1937 г. Реабилитирован посмертно в 1991 г.), Лежнева (А.И. Лежнев – брат бывшей жены М.А. Броунштейн-Валерианова), Якубовича и прочих. Некоторые из них были моими друзьями, иные просто близкими людьми. Я хорошо знал их как порядочных людей, знал по десять, по двадцать лет. Не могло быть совершенно сомнений, что эти люди пережили нечто страшное, раньше чем дошли до такого безмерного падения. Это было самостоятельное мое переживание в те дни. Чекисты хотели этими показаниями именно и убедить меня, чего я должен ждать. Подкреплялось это прямыми угрозами: когда я говорил, что давать показаний не буду, они не раз заявляли – «мы вас заставим говорить»...».

Высказываемые в его адрес угрозы вызвали протестное сопротивление, завершившееся объявлением «смертельной голодовки». По возвращении в камеру «отдал надзору всю пищу, бывшую в камере (папиросы оставил) и написал заявление председателю ОГПУ, в котором писал приблизит[ельно] следующее. Мне, соц[иал]-д[емократу], борящ[емуся] за прекращение братоуб[ийственной] борьбы в раб[очем] кл[ассе], предъявляют гнуснейшие обвинения в интервенционизме и вредительстве. Я неоднократно опровергал эти мерзости. Однако ваши следователи продолжают приставать ко мне с этими гнусн[ыми] обвинениями. Меня хотят превратить в полит[ическую] проститутку. Не вижу другого выхода, как умереть. Объявляю с сегодняшнего вечера смертельную голодовку. На другой день ко мне приходил врач, фельдшер, начальник, потом врач ходил часто. Приходил и Попов. Отняли папиросы. Врач дал мне английскую соль – «в ваших же интересах, иначе будете страдать от скверного запаха».

Я это знал и без врача, но поставил условие, чтобы не было какой-нибудь питательной примеси... и т.п.). Врач резонно ответил, что в слабительном пит[ье] давать примеси все равно бесполезно. Мне дали еще (фельдш[ер]) мятные капли для полоскания рта».

В первые шесть дней допросы еще продолжались. Но затем Броунштейн-Валерианов был переведен в бутырскую больницу, где была предпринята попытка искусственного питания. «Я оказал основат[ельное] сопротивление. Мне сели на ноги и на живот, держали руки и голову, раскровянили щипцами рот, чтобы разжать зубы. Удалось влить лишь незначительную часть молока, но и эта часть вызвала понос. На 9-й или 10-й, да, на 10-й день сделали еще одно вливание через рот. На этот раз удачно. Ибо я так ослабел, что сопротивл[ение] было быстро сломлено. Но и на этот раз спасительный понос сделал питание безрезультатным.

Голодовка, вероятно, из-за плохого сердца оказала на меня сильное влияние. Со мной много носились, было у меня чуть не 5 врачей. Один специалист по сердцу. Видно за сердце очень боялись, а моя смерть в их расчет не входила... Решающее значение имело мое плохое состояние. Видимо положение мое было опасно. Тут дело было в сердце. Кроме того, я стал как бы заживо разлагаться. Не у всех голодающих бывает, чтобы шел такой смрад, что вроде трупного запаха, как от меня».

После одиннадцати с половиной суток Броунштейн-Валерианов голодовку прекратил, написав в Коллегию ОГПУ заявление следующего содержания: «Выслушав уверения п[омощника] н[ачальника] ЭКУ Гая (Гай (Штоклянд) Марк Исаевич (Исаакович), 1898 г.р., ур. г. Винницы, еврей, из семьи кустаря-шапочника, образование незаконченное высшее. В РКП (б) с 1919 г., в органах ВЧК-НКВД с 1921 г. – службу проходил на различных должностях на Украине и в Крыму, с 1922 г. – в Москве, с мая 1927 по декабрь 1932 г. в ЭКУ ОГПУ, дослужившись до должности заместителя начальника Управления. В последующие годы служил в Особом отделе ОГПУ, а с ноября 1936 г. по март 1937 г. занимал должность начальника УНКВД по Восточно-Сибирскому краю. Комиссар госбезопасности 2-го ранга, награжден орденом Красного Знамени, двумя знаками «Почетный работник ВЧК-ГПУ». Арестован в апреле 1937 г. Расстрелян. В реабилитации отказано по причине нарушения законности и фальсификации следственных дел.), что: 1) ОГПУ не намерено превратить меня в свое полит[ическое] орудие, 2) что угрозы, посулы и пр[очие] действия следователей, имеющ[их] целью выудить у меня нужные показания, больше применяться не будут, 3) что моя бывшая жена не будет арестована с целью оказать на меня давление, 4) что следствие по делу будет закончено в течение 2 недель, и во всяком случае не позже чем в мес[ячный] срок, – я снимаю голодовку. При этом я выражаю надежду, что ОГПУ не поставит меня вновь в положение, вынуждающее меня прибегнуть к столь острому средству».

Однако в ходе дальнейшего следствия он никаких конкретных показаний не дал. По этой причине и по причине состояния здоровья Броунштейн-Валерианов на процесс «Союзного бюро» выведен не был. Отказался он и от предложения вступить в ВКП (б). После

нескольких месяцев пребывания в тюрьме, уже после окончания процесса, он был переведен в Ярославль, где на основании данных следствия и протокола процесса меньшевиков ему предъявили обвинение в нелегальном переходе границы с целью проведения партийной работы, в участии в заседаниях «Союзного бюро», даче инструкций о вредительстве и об интервенции. Как результат – в октябре был вынесен приговор о лишении свободы на 10 лет.

В дневнике очень подробно описаны: ситуация, связанная с подготовкой процесса, условия и режим содержания в ходе следствия, механизм следственных действий и работа следователей ЭКУ ОГПУ, ответственных за организацию очередного показательного процесса над «врагами» Советского государства.

Рассказ о Броунштейн-Валерианове в связи с процессом «Союзного бюро меньшевиков» позволяет, во-первых, еще раз оценить происходившие в стране события по уничтожению политических оппонентов большевиков и конкретизировать механизм по фабрикации показательных политических процессов, роль и место в нем органов ОГПУ. А во-вторых, процесс связал данного «оппонента» большевиков с Сибирью до последних дней его жизни.

О важности его фигуры для органов НКВД свидетельствует хотя бы тот факт, что справку на его арест (в 1937 г.) составил начальник 3-го отделения 4-го отдела УГБ УНКВД по ЗСК лейтенант госбезопасности (г/б) Жук (а не рядовой сотрудник), с ним согласился начальник 4-го отдела ст. лейтенант г/б Попов (Попов Серафим Павлович, 1904 г.р., ур. с. Усманы Воронежской губ., русский, член ВКП (б) с 1928 г., в органах ВЧК с 1919 г. С апреля 1930 по сентябрь 1937 г. прошел путь от оперуполномоченного до начальника 4-го отдела УГБ УНКВД по ЗСК, с октября 1937 г. – начальник УНКВД по Алтайскому краю. Капитан госбезопасности. Награжден орденом Ленина и знаком «Почетный работник ВЧК – ГПУ (XV)». Арестован в 1938 г. Расстрелян в 1940 г. Не реабилитирован.), ут-вердил – зам. начальника УНКВД по ЗСК Успенский (Успенский Александр Иванович, 1902 г.р., ур. с. Верхний Суходол Алексинского уезда Тульской губ., русский, образование начальное, в РКП (б) с 1918 г., в органах ВЧК-НКВД с 1920 г. Службу проходил в Тульской губ., на Урале, в Московской обл. В 1936–1937 гг. зам. начальника УНКВД по ЗСК, в 1937–1938 гг. – начальник УНКВД по Оренбургской области, затем нарком НКВД УССР. В ноябре 1938 г. перешел на нелегальное положение, оставив записку о своем самоубийстве, скрывался в Москве и на Урале. В 1939 г. был задержан, осужден к ВМН и в январе 1940 г. расстрелян. Комиссар госбезопасности 3-го ранга. Награжден орденами Ленина и Красного Знамени, медалью «XX лет РККА», двумя знаками «Почетный работник ВЧК – ГПУ». Не реабилитирован.), а санкционировал арест 9 марта 1937 г. (не первые ли это отзвуки февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б)) прокурор края И. Барков (Барков Игнатий (Игорь) Ильич, прокурор ЗСК, Новосибирской области, арестован в 1938 г. Покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна 4-го этажа здания УНКВД по Новосибирской области). На эти детали следует обратить внимание хотя бы по

той причине, что М. Броунштейн в это время, отбывая ссылку, работает экономистом-плановиком Нарымского окружного земельного управления, т.е. его арест не был доверен местным сотрудникам Нарымского окротадела НКВД. С другой стороны, такой арест – свидетельство хорошо отлаженной системы учета оперативных контингентов в органах НКВД, отрабатываемой с первых лет советской власти. Потребовалось – и «кандидата» выбрали без проблем и проволок.

В справке на арест указано, «что Броунштейн-Валерианов с 1922 по 1929 г., проживая за границей, работал в Заграничной делегации РСДРП (м). В апреле 1929 г. под фамилией Левина Якова Нароновича был направлен в СССР для нелегальной работы с целью создания руководящего меньшевистского центра и активизации меньшевистской работы, но был арестован и осужден на 10 лет заключения в политизолятор. В сентябре 1934 г. он был направлен для отбывания ссылки в пос. Колпашево Нарымского округа, где «возобновил активную контрреволюционную работу по воссозданию меньшевистского подполья. С этой целью он восстановил связь с отбывавшим в г. Камне ссылку членом ЦК меньшевиков Цедербаум-Ежовым (Ежов (Цедербаум) Сергей Осипович, 1873 г.р., в революционном движении с 1898 г., с 1906 г. член ЦК партии меньшевиков. Неоднократно арестовывался в годы советской власти. В марте 1935 г. Особым Совещанием за «контрреволюционную деятельность» на 5 лет был выслан в г. Камень (ныне Алтайский край). Вновь арестован в марте 1937 г. Расстрелян в 1939 г. Реабилитирован посмертно в 1990 г.), а также с томскими меньшевиками. Отмечались и факты проведения нелегальных собраний в 1935–1936 гг. с привлечением на них активных троцкистов и зиновьевцев и т.п. С учетом изложенного, было принято решение о его аресте и привлечении к ответственности по ст. 58-2-11-10 УК РСФСР [5. Л. 1–2].

20 марта 1937 г. Броунштейн был допрошен начальником 3-го отд. Ойротского областного УНКВД лейтенантом Пасынковым (Пасынков Яков Андреевич, 1900 г.р., ур. дер. Верх-Орья Уржумского уезда Вятской губ., из крестьян, русский. Участник партизанского движения на Алтае в годы колчаковщины. Член РКП (б) с 1920 г., в этом же году начал службу в органах ВЧК в Бийском политбюро. За совершение преступлений по должности, грабеж и «красный бандитизм» Пасынков в числе 24 других сотрудников политбюро и милиции арестовывался в 1922 г., был приговорен к двум годам лишения свободы, но амнистирован, освобожден после восьми месяцев лишения свободы. С 1923 г. вновь на службе в органах ГПУ – на Алтае, в ПП ОГПУ по ЗСК, в Ойротии, в Кузбассе и Томске, где занимал должности врид начальника 4-го отделения, зам. начальника и начальника горотдела. Позднее служил в ЭКО и КРО УНКВД по Новосибирской области, с июня 1943 г. служба в милиции, а с июля 1944 г. – начальник спецлагеря № 199 Управления лагерей военнопленных НКВД СССР. После окончания войны вновь проходил службу в органах УНКГБ Новосибирской области. Уволен с военной службы в феврале 1950 г. по состоянию здоровья. Полковник. Награжден четырьмя орденами и медалями, знаком «Почетный

сотрудник ВЧК – ГПУ»). Протокол допроса содержал сведения о биографических данных, констатировал второй брак и четверых детей от первого. В п. 14 анкеты было указано, что до революции арестовывался четырежды: по два раза в Елисаветграде (1904 и 1908 гг.) и Петербурге (1906 и 1910 гг.), трижды дела прекращались за недоказанностью (отсутствием улик), в последнем случае был осужден к 3 годам ссылки в Архангельскую губернию, которую отбывал в с. Кулугыры Пинежского уезда. После революции арестовывался трижды – в 1921 г. пробыл под стражей 10 месяцев, в 1922 г. был осужден к ссылке на 1 год, но по его личному ходатайству ссылка была заменена на выезд за границу. «В 1929 г. вернулся в СССР нелегально, был арестован и заключен на 5 лет в политизолятор (расхождение со справкой на арест. – В.У.), по отбытии срока... выслан в Нарым, где и проживал до ареста, последовавшего 10 марта 1937 г.». В белых и царской армиях не служил, кроме партии социал-демократов (м) «ни в каких бандах и организациях не состоял... За время пребывания в ссылке С-Д (м) политической деятельностью не занимался» [5. Л. 12].

Согласно материалам дела, его участие в контрреволюционной организации подтверждалось «изобличавшими» его показаниями участников эсеровской контрреволюционной организации В.С. Осипова-Занозина и С.М. Музыкантова (Осипов-Занозин Василий Степанович, 1878 г.р., ур. Саратовской губ., проживал в г. Новосибирске, служащий Сибкрайсоюза. Арестован в 1937 г. Расстрелян. Музыкантов Семен Михайлович, 1888 г.р., ур. дер. Мышково Велижского р-на Западной обл., проживал в дер. Новосельцево Парабельского р-на, единоличник (так в деле). Арестован в 1937 г. Расстрелян.). Так, Осипов-Занозин 25 апреля 1937 г. дал показания, что Броунштейн являлся одним из руководителей подпольной работы меньшевиков в Сибири [Там же. Л. 47], а на допросе 15 июля он уже показал, что Броунштейн совместно с эсером Д.Д. Донским (Донской Дмитрий Дмитриевич. 1881 г.р., ур. г. Москвы, русский, образование высшее, член ЦК партии эсеров. Был осужден по процессу эсеров 1922 г., сослан в Нарымский край на 3 года, но всякий раз срок ссылки продлевался. Работал заведующим Парабельской райбольницы. Покончил жизнь самоубийством в сентябре 1936 г.) вел работу по организации повстанческих кадров [Там же. Л. 29]. С.М. Музыкантов подтвердил факты контрреволюционной деятельности Броунштейна в своих показаниях на допросе 5 июля 1937 г. [Там же. Л. 52].

Следствие шло, видимо, «ни шатко, ни валко», и 24 мая Броунштейн объявил «смертельную голодовку», о чем сообщил в своем заявлении на имя начальника УНКВД. Он писал: «После ареста 15 июня 1929 г. я в течение целых 8 лет подвергался тяжелой репрессии. 5½ лет я просидел в тюрьмах, 2½ года в полутюрьме в Нарымской ссылке. Оставаясь по убеждениям социал-демократом, я в ссылке никакой политической деятельностью, как это хорошо известно НКВД, не занимался. Тем не менее, я был 10 марта без всяких оснований арестован. 2½ месяца меня держали в тюрьме без единого допроса, если не считать вызова для заполнения анкетных данных, и в нарочито тяжелых тюремных

условиях (на полугодном общем пайке, без книг, без тюфяка, два месяца валялся под койкой и т.д.).

Беспричинный арест после 8 лет тяжелых репрессий убеждает меня в том, что НКВД хочет меня физически извести. Я иду навстречу НКВД и объявляю смертельную голодовку (подчеркнуто в тексте. – В.У.) с требованиями:

1. Немедленно направить меня обратно в Колпашево для отбывания срока ссылки.

2. Если моя жена Ольга Васильевна Селикова увезена из Колпашево, то вернуть ее обратно в Колпашево, чтобы соединить со мной.

3. Предоставить в ссылке работу по специальности...

В то время как в странах Западной Европы компартии по указанию Коминтерна создают единый фронт с моими товарищами по Рабочему Социалистическому Интернационалу и требуют объединения с социалистами в единые партии, НКВД не дает физически существовать социал-демократу даже среди тайги и болот Нарыма и доводит его до смертельной голодовки.

Моя смерть от голодовки является протестом против варварского преследования русских социалистов...» [5. Л. 10].

В следующем (по хронологии) документе – в рапорте на имя начальника 4 отдела УГБ Попова 7 июня 1937 г. мл. л-нт г/б Сыч докладывал о его беседе с арестованным Броунштейном, состоявшейся 5 июня, в ходе которой последний заявил, что «факт своей голодовки он расценивает, как серьезный шаг, направленный против органов НКВД... он уверен в том, что его голодовка поднимет шум в заграничной социал-демократической и другой печати, т.к. он фигура международного масштаба и находится под защитой II Интернационала, который знает каждый его шаг, т.к. следит за ним, как за одним из крупнейших политических деятелей.

Этим своим шагом он... надеется привести к прекращению преследования с-д в России, т.к. считает, что Советскому Союзу в настоящей обостренной международной обстановке невыгодно портить отношения с международной с-д, тем более сейчас, когда особенно остро стоит вопрос об едином фронте в борьбе с фашизмом... Он заявил... «хочу показать международному пролетариату, что Советский Союз мало чем отличается от фашистской Германии, где также преследуют и сажают в концлагеря и тюрьмы политических деятелей, а в частности с-д» [Там же. Л. 8–9].

Вне всякого сомнения, никого из сотрудников НКВД он своей голодовкой не напугал – изменились времена, а с ними и «правила игры», так же как ничего не добился и своими заявлениями о его «международной политической» значимости.

Следствие по делу Броунштейна-Валерианова было закончено 15 октября 1937 г., о чем свидетельствовали подписи на обвинительном заключении «следователей» и начальника УНКВД ст. майора г/б Горбача (Горбач Григорий Федорович, 1898 г.р., ур. с. Ряшки Прилуцкого уезда Полтавской губ., украинец, образование начальное, в большевиках с 1916 г. В органах ВЧК-НКВД с 1920 г., служил на Кавказе, откуда с должности зам. начальника УНКВД по Северо-Кавказ-

скому краю был переведен на такую же должность в Западно-Сибирский край, в 1937 г. – начальник УНКВД Омской области, Западно-Сибирского края, а затем Новосибирской области. С ноября 1938 г. – начальник УНКВД Дальневосточного – Хабаровского края. Старший майор госбезопасности. Награжден орденом Ленина, медалью «XX лет РККА», двумя знаками «Почетного работника ВЧК-ГПУ». Арестован в 1938 г. Расстрелян в 1939 г. Не реабилитирован. Броунштейн был обвинен в числе других ссыльных меньшевиков как организатор «контрреволюционной повстанческой шпионско-диверсионной террористической организации», вся подрывная деятельность которой проводилась совместно с контрреволюционной организацией эсеров, возглавляемой так называемым «Сибирским бюро ПСР». Как и абсолютному большинству арестованных в то время, ему инкриминировалась подготовка к вооруженному восстанию в целях свержения советской власти. Единственное отличие заключалось в том, что ему не было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности, что обычно включалось в обвинение практически «автоматически» всем, однако предъявлялось обвинение в террористической деятельности, что для меньшевиков, в принципе, не было характерным.

Броунштейн-Валерианов виновным себя не признал, но «изобличался показаниями Осипова-Занозина и Музыкантова» [5. Л. 56].

После этого началось нечто странное и удивительное. Конец 1937 – начало 1938 гг. в Западной Сибири характеризовались массовыми расстрелами, насчитывавшими в отдельные месяцы до нескольких тысяч человек. Но Броунштейна не трогали и только по прошествии восьми месяцев 11 июня 1938 г. прокурор при Главной Военной прокуратуре военюрист 2-го ранга Липов утвердил обвинительное заключение по ст. 58-2-8-11 УК. Был еще пункт 58-1 «а» – («Измена Родине»), но чьей-то рукой он был вычеркнут. Уже на следующий день был готов протокол подготовительного заседания Выездной сессии ВК ВС СССР. Члены «суда» соглашались с выдвинутым обвинением и принимали дело к производству и слушанию в закрытом судебном заседании в порядке постановления ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г.

Заседание сессии началось 13 июня в 13 часов 10 минут. После соблюдения всех процессуальных норм было зачитано обвинительное заключение. На

вопрос председательствующего, признает ли Броунштейн-Валерианов себя виновным, последний ответил, что «виновным себя не признает и показания, данные им на предварительном следствии, не подтверждает». Были озвучены показания шести свидетелей, которые подсудимый также не признал. «В СССР он приехал из-за границы нелегально в 1929 г. для ведения “демократической” (так в тексте. – В.У.) работы в СССР». Ничего больше он добавлять не стал и в последнем слове заявил о своей невиновности. После этого суд удалился на совещание и по возвращении объявил приговор. В 13 часов 20 минут заседание было закрыто.

Согласно приговору, Броунштейн признавался виновным в совершении преступлений, предусмотренных статьей 58-1 «а»-2-8-11 УК РСФСР (п. 1 «а» был вписан от руки в преамбулу приговора) и приговаривался к ВМН – расстрелу с конфискацией принадлежавшего ему имущества. Приговор объявлялся окончательным и подлежал немедленному исполнению [5. Л. 60–61].

Вся судебная процедура заняла 10 минут. Фразу из протокола судебного заседания об оглашении свидетельских показаний, полагаю, следует рассматривать в качестве формального акта. Скорее всего, речь велась об оглашении выдержек из этих показаний, так как многие протоколы (все в печатном виде) насчитывали до 10–20 страниц либо же о простом упоминании фамилий «свидетелей».

В этот же день приговор был приведен в исполнение, о чем в деле подшита справка 1-го спецотдела УНКВД по Новосибирской области № 814 [Там же. Л. 62]. К сожалению, место его захоронения неизвестно.

Реабилитирован М.А. Броунштейн-Валерианов 19 августа 1993 г. по заключению прокуратуры Томской области «в связи с фальсификацией и отсутствием доказательств виновности» [Там же. Л. 64–65].

Такой непростой оказалась судьба одного из многих «политических оппонентов» большевиков. Человека, судя по материалам следствия, далеко незаурядного, волевого и мужественного, преданного целям и идеям, за которые боролся много лет в рядах не самой малочисленной политической партии начала XX в. Благодаря его дневнику, сегодня появилось еще одно свидетельство тех страшных лет и той бесчеловечной политики, которую проводили люди, называвшие себя большевиками, во главе со своим вождем И. Сталиным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *История советских органов государственной безопасности* : учеб. пособие / Научно-издательский отдел ВШ КГБ при СМ СССР им. Ф.Э. Дзержинского. М., 1967.
2. *Меньшевистский процесс 1931 года* : сб. документов : в 2 кн. / сост. А.Л. Литвин. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. Кн. 1.
3. *Викторов Б.А.* Без грифа «секретно»: Записки военного прокурора. М., 1990.
4. *Меньшевистский процесс 1931 года* : сб. документов : в 2 кн. / сост. А.Л. Литвин. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. Кн. 2.
5. *Архив УФСБ РФ по Томской области.* Д. П-11575.

Статья представлена научной редакцией «История» 15 декабря 2011 г.